

Предвестник весны (сборник)

Автор:

О. Генри

Предвестник весны (сборник)

О. Генри

Книга в сумочку

«Маленькие люди» в большом Нью-Йорке заботятся друг о друге, переживают, встречаются и расстаются. Жизнь чаще всего преподносит им сюрпризы, и все идет не так, как бы они хотели. Каждая новелла неисправимого романтика и самого блестящего рассказчика Америки – это меткий юмор, хлесткие диалоги и непредсказуемая развязка.

О. Генри

Предвестник весны

© Лорие М., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Меблированная комната

Беспокойны, непоседливы, преходящи, как само время, люди, населяющие красно-кирпичные кварталы нижнего Вест-сайда. Они бездомны, но у них сотни домов. Они перепархивают из одной меблированной комнаты в другую, не заживаясь нигде, не привязываясь ни к одному из своих убежищ, непостоянные в мыслях и чувствах.

Они поют «Родина, милая родина» в ритме рэгтайма, своих ларов и пенатов они носят с собой в шляпных картонках, их лоза обвивается вокруг соломенной шляпки, смоковницей им служит фикус.

Дома этого района, перевидавшие тысячи постояльцев, могли бы, вероятно, рассказать тысячи историй, по большей части скучных, конечно, но было бы странно, если бы после всех этих бродячих жильцов в домах не осталось ни одного привидения.

Однажды вечером, когда уже стемнело, среди этих красных домов-развалин блуждал какой-то молодой человек и звонил у каждой двери. У двенадцатой двери он поставил свой тощий чемоданчик на ступеньку и вытер пыль со лба и шляпы. Звонок прозвучал еле слышно, где-то далеко, в недрах дома.

В дверях этого двенадцатого по счету дома появилась хозяйка, похожая на противного жирного червя, который уже выгрыз всю сердцевину ореха и теперь заманивает в пустую скорлупу съедобных постояльцев.

Он спросил, есть ли свободные комнаты.

– Войдите, – сказала хозяйка. Голос шел у нее из горла, словно подбитого мехом. – Есть комната на третьем этаже, окнами во двор, уже неделю стоит пустая. Хотите посмотреть?

Молодой человек стал подниматься следом за ней по лестнице. Тусклый свет из какого-то невидимого источника скрадывал тени в коридорах. Хозяйка и гость бесшумно шли по устилавшему лестницу ковру, такому древнему, что от него отрекся бы даже станок, на котором его ткали. Он теперь принадлежал скорее к растительному царству: выродился в этом затхлом, лишенном солнца воздухе в буйный лишайник или пышный мох, который пучками прирос к ступенькам и прилипал к подошвам, как органическое вещество. На каждом повороте лестницы в стене была пустая ниша. Здесь, возможно, стояли когда-то цветы.

Если так, цветы, должно быть, погибли в этом нечистом, зловонном воздухе. Возможно также, что когда-нибудь в этих нишах помещались статуи святых, но легко было представить себе, что черти с чертенятами, выбрав ночь потемнее, выволокли их оттуда и ввергли в нечестивую глубь какой-нибудь меблированной преисподней.

– Вот комната, – раздалось из мехового горла хозяйки. – Хорошая комната. Она редко пустует. Прошное лето у меня в ней жили прекрасные постояльцы: никаких неприятностей, и платили вперед, точно в срок. Кран в конце коридора. Три месяца ее снимали Спраулз и Муни. Актеры, играли скетчи. Мисс Брэгга Спраулз, может, слышали... Нет, нет, она только выступала под этой фамилией, брачное свидетельство висело вон там, над комодом, в рамке. Газ вот тут, стенные шкафы, как видите, есть. Такая комната кому не понравится. Она никогда не пустует подолгу.

– И часто актеры снимают у вас комнаты? – спросил молодой человек.

– Всяко бывает. Многие из моих постояльцев работают в театре. Да, сэр, в этом районе много театров. Актеры, они, знаете, нигде подолгу не живут. Бывает, что и у меня поселятся, всяко бывает.

Он сказал, что комната ему подходит и что он устал и никуда сегодня не пойдет. Он отдал деньги вперед за неделю. Комната прибрана, сказала хозяйка, даже вода и полотенце приготовлены. Когда она собралась уходить, он в тысячный раз задал вопрос, который вертелся у него на языке:

– Вы не помните среди ваших жильцов молодую девушку – мисс Вешнер, мисс Элоизу Вешнер? Скорее всего она поет на сцене. Красивая девушка, среднего роста, стройная, волосы рыжевато-золотистые и на левом виске темная родинка.

– Нет, такой фамилии не помню. Эти актеры меняют имена так же часто, как комнаты. Нынче они здесь, завтра уехали, всяко бывает. Нет, такой что-то не припомню.

Нет. Вечное нет. Пять месяцев беспрестанных поисков, и все напрасно. Сколько времени потрачено, днем – на расспрашивание антрепренеров, агентов, театральных школ и эстрадных хоров; по вечерам – в театрах, от самых серьезных до мюзик-холлов такого низкого пошиба, что он боялся найти там то,

на что больше всего надеялся. Он любил ее сильнее всех и давно искал ее. Он был уверен, что после ее исчезновения из дому этот большой, опоясанный водою город прячет ее где-то, но город – как необъятное пространство зыбучего песка: те песчинки, что вчера еще были на виду, завтра затянет илом и тиной.

Меблированная комната встретила своего нового постояльца слабой вспышкой притворного гостеприимства, лихорадочным, вымученным, безучастным приветствием, похожим на лживую улыбку продажной красотки. Отраженный свет сомнительного комфорта исходил от ветхой мебели, от оборванной парчовой обивки дивана и двух стульев, от узкого дешевого зеркала в простенке между окнами, от золоченых рам на стенах и никелированной кровати в углу.

Новый жилец неподвижно сидел на стуле, а комната, путаясь в наречиях, словно она была одним из этажей Вавилонской башни, пыталась поведать ему о своих разношерстных обитателях.

Пестрый коврик, словно ярко расцвеченный прямоугольный тропический островок, окружало бурное море истоптанных циновок. На оклеенных серыми обоями стенах висели картины, которые по пятам преследуют всех бездомных, – «Любовь гугенота», «Первая ссора», «Свадебный завтрак», «Психея у фонтана». Целомудренно-строгая линия каминной доски стыдливо пряталась за наглой драпировкой, лихо натянутой наискось, как шарф у балерины в танце амазонок. На камине скопились жалкие обломки крушения, оставленные робинзонами в этой комнате, когда парус удачи унес их в новый порт, – грошовые вазочки, портреты актрис, пузырек от лекарства, разрозненная колода карт.

Один за другим, как знаки шифрованного письма, становились понятными еле заметные следы, оставленные постояльцами меблированной комнаты. Вытертый кусок ковра перед комодом рассказал, что среди них были красивые женщины. Крошечные отпечатки пальцев на обоях говорили о маленьких пленниках, пытавшихся найти дорогу к солнцу и воздуху. Неправильной формы пятно на стене, окруженное лучами, словно тень взорвавшейся бомбы, отмечало место, где разлетелся вдребезги полный стакан или бутылка. На зеркале кто-то криво нацарапал алмазом имя «Мари». Казалось, жильцы один за другим приходили в ярость – может быть, выведенные из себя вопиющим равнодушием комнаты – и срывали на ней свою злость. Мебель была изрезанная, обшарпанная; диван с торчащими пружинами казался отвратительным чудовищем, застывшим в уродливой предсмертной судороге. Во время каких-то серьезных беспорядков от каминной доски откололся большой кусок мрамора. Каждая половица

бормотала и скрипела по-своему, словно жалуясь на личное, ей одной известное горе. Не верилось, что все эти увечья были умышленно нанесены комнате людьми, которые хотя бы временно называли ее своей, а впрочем, возможно, что ярость их распалил обманутый, подавленный, но еще не умерший инстинкт родного угла, мстительное озлобление против вероломных домашних богов. Самую убогую хижину, если только она наша, мы будем держать в чистоте, украшать и беречь.

Молодой человек, сидевший на стуле, дал этим мыслям прошагать на бесшумных подошвах по его сознанию, в то время как в комнату незаметно стекались мебелированные звуки и запахи. Из одной комнаты донесся негромкий, прерывистый смех; из других – монолог разъяренной мегеры, стук игральных костей, колыбельная песня, приглушенный плач, над головой упоенно заливалось банджо. Где-то хлопали двери; то и дело громыхали мимо поезда надземки; во дворе на заборе жалобно мяукала кошка. И он вдыхал дыхание дома – скорее даже не запах, а промозглый вкус – холодные влажные испарения, словно из погреба, смешанные с зловонием линолеума и трухлявого, гниющего дерева.

И вдруг, пока он сидел все так же неподвижно, комнату наполнил сильный, сладкий запах резеды. Он вошел, словно принесенный порывом ветра, такой уверенный, проникновенный и яркий, что казался почти живым. И молодой человек крикнул: «Что, милая?» – словно его позвали, вскочил со стула и огляделся. Густой запах льнул к нему, обволакивал его. Он протянул руки, чтобы схватить его, все его чувства мгновенно смешались и спутались. Как может запах так настойчиво звать человека? Нет, это, конечно, был звук. Но тогда, значит, звук дотронулся до него, погладил по руке?

– Она была здесь! – крикнул он и заметался по комнате, надеясь вырвать у нее признание, так как был убежден, что узнает каждую мелочь, которая принадлежала ей или которой она касалась. Этот всепроникающий запах резеды, аромат, который она любила, ее аромат, откуда он?

Комната была прибрана не очень тщательно. На смятой салфетке комода валялось несколько шпилек – этих молчаливых, безличных спутников всякой женщины: женского рода, неопределенного вида, неизвестно какого времени. Их он не стал разглядывать, понимая, что от них ничего не добиться. Роясь в ящиках комода, он нашел маленький разорванный носовой платок. Он прижал его к лицу. От платка нагло и назойливо пахло гелиотропом – он швырнул его на

пол. В другом ящике ему попало несколько пуговиц, театральная программа, ломбардная квитанция, две конфеты, сонник. В последнем ящике он увидел черный шелковый бант и на минуту затаил дыхание. Но черный шелковый бант – тоже сдержанное, безличное украшение любой женщины и ничего не может рассказать.

И тут он, как ищейка, пошел по следу: оглядывал стены, становился на четвереньки, чтобы ощупать углы бугристой циновки, обшарил столы и камин, портьеры и занавески и пьяный шкафчик в углу в поисках видимого знака, еще не веря, что она здесь, рядом, вокруг, в нем, над ним, льнет к нему, ластится, так мучительно взывает к его сознанию, что даже его чувства восприняли этот зов. Раз он опять ответил вслух: «Да, милая!» – и обернулся, но его широко раскрытые глаза увидели пустоту, потому что он не мог еще различить в запахе резеды очертаний, и красок, и любви, и протянутых рук. О боже! Откуда этот запах и давно ли у запахов есть голос? И он продолжал искать.

Он копался в углах и щелях и находил пробки и папиросы. Их он пренебрежительно отшвыривал. Но под циновкой ему попался окурочек сигары, и он, выругавшись злобно и грубо, раздавил его каблуком. Он просеял всю комнату как сквозь сито. Он прочел печальные и позорные строки о многих бродячих жильцах, но не нашел ни следа той, которую искал, которая, может быть, жила здесь, чей дух, казалось, витал в этой комнате.

Тогда он вспомнил о хозяйке.

Из населенной призраками комнаты он сбежал по лестнице вниз, к двери, из-под которой виднелась полоска света. Хозяйка вышла на его стук.

Он, насколько мог, подавил свое возбуждение.

– Скажите мне, пожалуйста, – умолял он ее, – кто жил в моей комнате до меня?

– Хорошо, сэр. Могу рассказать еще раз. Спраулз и Муни, как я вам и говорила. Мисс Брэтта Спраулз – это по сцене, а на самом деле – миссис Муни. У меня живут только порядочные люди, это всем известно. Брачное свидетельство висело в рамке, на гвозде, над...

– А что за женщина была эта мисс Спраулз, какая она была с виду?

– Да как вам сказать, сэр, брюнетка, маленького роста, полная, лицо веселое. Они съехали в прошлый вторник.

– А до них?

– А до них был одинокий джентльмен, работал по извозной части. Уехал и задолжал мне за неделю. До него была миссис Краудер с двумя детьми, жила четыре месяца, еще до них был старый мистер Доил, за того платили сыновья. Он занимал комнату шесть месяцев. Вот вам целый год, сэр, а раньше я и не припомню.

Он поблагодарил ее и поплелся назад в свою комнату. Комната умерла. Того, что вдохнуло в нее жизнь, больше не было. Аромат резеды исчез. Как прежде, пахло погребом и отсыревшей мебелью.

Взлет надежды отнял у него последние силы. Он сидел, тупо уставившись на желтый, шипящий газовый рожок. Потом подошел к кровати и стал раздирать простыни на полосы. Перочинным ножом он крепко законопатил ими дверь и окна. Когда все было готово, он потушил свет, открыл газ и благодарно растянулся на постели.

В этот вечер была очередь миссис Маккул идти за пивом. Она и сходила за ним и теперь сидела с миссис Пурди в одном из тех подземелий, где собираются квартирные хозяйки и где червь если и умирает, то редко.[1 - Намек на евангельское: «Где червь их не умирает и огонь не погасает», то есть в аду, в «геенне огненной».]

– Сдала я сегодня мою комнату на третьем этаже, ту, что окнами во двор, – сказала миссис Пурди поверх целой шапки пены. – Снял какой-то молодой человек. Он уже два часа как лег спать.

– Да что вы, миссис Пурди, неужто сдали? – сказала миссис Маккул, сопя от восхищения. – Прямо чудо, как вы умеете сдавать такие комнаты. И как же вы, сказали ему или нет? – закончила она хриплым, таинственным шепотом.

– Меблированные комнаты, – сказала миссис Пурди на самых своих меховых нотах, – для того и существуют, чтобы их сдавать. Я ему ничего не сказала,

миссис Маккул.

– И правильно сделали, миссис Пурди: чем же нам и жить, как не сдачей комнат. Вы, прямо скажу, деловая женщина. Ведь есть которые нипочем не снимут комнату, скажи им только, что в ней человек покончил с собой, да еще на кровати.

– Ваша правда, жить всем нужно, – заметила миссис Пурди.

– Нужно, миссис Пурди, ох как нужно! Сегодня как раз неделя, что я вам помогала обмывать покойницу. А хорошенькая была какая, и чего ей понадобилось травить себя газом, личико такое милое у нее было, миссис Пурди.

– Пожалуй, что и хорошенькая, – сказала миссис Пурди, соглашаясь, но не без критики, – только вот родинка эта на левом виске ее портила. Наливайте себе еще, миссис Маккул.

Недолгий триумф Тильди

Если вы не знаете закусочной и семейного ресторана Богля, вы много потеряли. Потому что если вы – один из тех счастливцев, которым по карману дорогие обеды, вам должно быть интересно узнать, как уничтожает съестные припасы другая половина человечества. Если же вы принадлежите к той половине, для которой счет, поданный лакеем, – событие, вы должны узнать Богля, ибо там вы получите за свои деньги то, что вам причитается (по крайней мере по количеству).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Намек на евангельское: «Где червь их не умирает и огонь не погасает», то есть в аду, в «геенне огненной».

Купить: <https://tellnovel.com/o-genri/predvestnik-vesny-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)